

Давние столетия истории Углича сохранили немного документальных материалов. В страшном огне Смуты погибло большинство архивов XVI века. По этой причине и по ряду других обстоятельств яркая, насыщенная жизнь того времени ныне представляется схематичным вакуумом, очерченным лишь несколькими событиями. От XVII столетия дошли значительно более многочисленные материалы, но уцелело крайне мало документов, касающихся создания архитектурных памятников. Тем ценнее редкие свидетельства, приоткрывающие завесу прошлого.

18 марта 1689 года была заключена рядная запись между игуменией Богоявленского монастыря Еленой и артелью мастеров, принявших обязательство за пятьсот рублей «зделать церковь каменную во имя чудного Богоявления Господня один престол». В документе приводится поимённый список мастеров – угличане, посадские люди Артемий Данилов сын Птицын, Иван Иванов сын Русинов, Иван Елизарьев сын Кисельников, Устим да Клим Васильевы дети Шкурятёвы, Степан Парфентьев сын Шапошник, Тимофей Фёдоров сын Братцов, Михайло да Филипп Васильевы дети Устюженцевы, Аника Ивлёв сын Чупрунников, Дементий Патрикеев сын Булгаков.

Судьба распорядилась так, что уцелел текст подрядной записи именно на работу

угличских мастеров. В результате мы знаем, что в городе были талантливые зодчие, способные создавать великолепные выразительные произведения, украшающие пейзаж на протяжении более трёх столетий. Небезынтересно найти дополнительные сведения о перечисленных людях. Главой артели, несомненно, был Артемий Данилов сын Птицын, но о нём, к сожалению, не удалось встретить каких-либо упоминаний.

Второй мастер – Иван Иванов сын Русинов – жил на Меньшой Панской улице, располагавшейся в районе перекрёстка современных Первомайской и 9 Января. Позже, в начале XVIII века, тот двор принадлежал кирпичникам Ивану Малафееву и Ивану Иванову Братцовым. Третьим мастером, возможно, был Иван Елисеев сын Кисельников, живший на Сухом пруде, на улице Свистухе. Он родился примерно в 1665 году, в Переписной ландратской книге 1717 года обозначен нищим. В местности Дурасова переулке, близ Каменного ручья, жил Стефан Парфентьев Шапошников. Он был сыном бобыля Парфентия Маркова. После его смерти двором владел младший брат – тоже Парфентий. Сын, Афанасий Степанов Шапошников, поселился по соседству – на Пашиной горе (местность над берегом Шелковки). И брат, и сын были каменщиками.

Тимофей Фёдоров Братцов, сын бобыля Фёдора Кириллова, жил на Панской улице (местность ул. 9 Января) – был кирпичником и значился ещё в Переписных книгах 1709

года. У другого мастера, Аники Ивлева Чупрунникова, был сын Родион, тоже ставший каменщиком, в начале XVIII века поселившийся на Петровском берегу (местность начала ул. Ленина). И последний мастер – Дементий Патрикеев Булгаков – сын «пришлого человека» нищего Патрикеева Фаддеева, выходца из села Прилуки, бывшего служки Троице-Сергиева монастыря. Отец в 1670-х годах жил в слободе у Троицкого ручья.

Таковы немногочисленные сведения о мастерах, построивших каменный храм Богоявленской обители. Как можно заметить, многие из них жили поблизости от монастыря, являлись выходцами из посадских низов. В период составления Писцовых книг 1674-1676 годов они не значились в числе записных каменщиков и кирпичников. Можно предположить, что их становление прошло при строительстве Воскресенского монастыря. Такие масштабные работы, помимо профессиональных мастеров, требовали привлечения большого числа рабочих. Конечно, у ремесленников не было принято делиться секретами, но участие в работах вполне позволяло многое увидеть и усвоить, сами здания становились примером для подражаний.

Неслучайно в рядной записи было указано – тёсанный декор окон и дверей делать «как сделано у теплые церкви на Угличе в Воскресенском монастыре и в спусках, и в закромах так же». В формах наличников, кокошников, поясов и карнизов, в самой композиции здания присутствует заметное сходство с трапезным храмом.

К деятельности угличских зодчих может быть отнесён ещё ряд памятников. Например, Богоявленская церковь Покровского монастыря, не имеющая точной датировки, но, вероятно, возведённая в 1680-1690-х годах. Своим обликом и композицией она явно копирует трапезный храм Воскресенского монастыря, повторяет многие использованные детали и приёмы. Можно ещё отметить Введенскую церковь Николо-Улейминского монастыря, завершённую в 1695 году. Данный храм, по мнению С.Е. Новикова, строился под явным влиянием московского зодчества, включает редкую форму трёхлучевого «звёздчатого» наличника, но при этом можно отметить распространённые в угличских памятниках карниз из Т-образных «городков», формы других наличников с килевидными сандриками.

Ещё одной примечательной деталью, характерной для угличского зодчества, является выявленный С.Е. Новиковым разорванный фронтон на западном фасаде в основании колокольни. Такая деталь использована в композиции храмов Воскресенского, Богоявленского, Улейминского монастырей. Правда, в первом случае могла являться и более поздним дополнением, поскольку кладка фронтона не имеет перевязки с часобитной звонницей. Перечисленные выводы, конечно, спорны, лишены опоры на

документы, но трудно отрицать близкую общность данных памятников. Едва ли угличские мастера построили только один храм. Известны и другие памятники, – например, Предтеченская церковь Алексеевского монастыря, храм царевича Димитрия «на крови». Перечисленные здания могли являться плодом деятельности разных артелей, использовавших в качестве примера ансамбль Воскресенского монастыря, церковь Рождества Иоанна Предтечи, образцы московского и ярославского зодчества.

Плодом деятельности ярославских мастеров может являться величественный собор Николо-Улейминского монастыря (1675-1677). Аналогичные выводы можно сделать и в отношении построенных в начале XVIII столетия ограда и надвратной Троицкой церкви. Как известно, они были возведены на средства получившего исцеление в обители ярославского купца Фёдора Верещагина. Наиболее значительная в Угличском крае монастырская ограда своим обликом отчасти повторяет крепостные стены и башни Спасо-Преображенского и Толгского монастырей. Надвратный храм, исходя из требований единства ансамбля, строился с явной оглядкой на Введенскую церковь, но в изначальном виде имел более насыщенную и богатую пластику оформления фасадов.

В Угличском крае есть ещё один памятник, стоящий особо в ряду перечисленных зданий и, справедливо говоря, мало связанный с угличским зодчеством. Это храм Дивногорской Троицкой пустыни (1674-1694), входивший в состав одного из подворий ростовских архиереев. Композиция церкви столь близка характерному стилю митрополита Ионы, что можно говорить об участии в её строительстве зодчих Ростовского кремля. Во всяком случае никто иной не смог бы столь точно следовать стилю митрополичьего двора, выполнить характерные детали, вроде аркатурно-колончатого пояса. Строительство было завершено при митрополите Иоасафе – новый период привнёс насыщенный декор в стиле «нарышкинское барокко», наложенный на изначальную композицию.

Важным этапом местной архитектуры стало строительство в 1700-х годах Спасо-Преображенского собора, как известно, осуществлённое артелью Григория Фёдорова из Ярославского уезда. За работами должен был надсматривать Григорий Иванов сын Устинов – будущий архитектор петровского времени, детство и юность проведший в Угличе. Свидетелем при заключении подрядной записи выступал московский зодчий и резчик по камню Кондрат Семёнов сын Мымрин. Данный факт весьма интересен. Как известно, под его «смотрением» в 1688-1692 годах был возведён Успенский собор Иосифо-Волоцкого монастыря. При внимательном осмотре нетрудно заметить сходство с угличским памятником, которое присутствует в общей композиции и даже формах первоначальных крылец. С большой долей вероятности К.С. Мымрин был не только «свидетелем», но и основным автором проекта Спасо-Преображенского собора. Правда, необходимо отметить, что, очевидно, из-за остановки строительства

храм завершали другие мастера, придавшие пятиглавию традиционные старообразные формы.

В Угличе в начале XVIII века насчитывалось два десятка дворов каменщиков и кирпичников, в которых проживало около шестидесяти мужчин. Не вызывает сомнений, что им в дальнейшем довелось возводить местные посадские храмы, примером для которых нередко служил Спасо-Преображенский собор, а более ранние памятники определяли местные традиции и особенности.

Евгений ЛИУКОНЕН

«Угличанин» №44 (650) от 06.11.2019 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}